

Список литературы

1. Есаков В. А. География в России в XIX—начале XX вв. (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М., 1978.
2. Кук Дж. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света. М., 1948.
3. Лазарев М. П. Документы. Т. 1. М., 1952.
4. Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20, 21 гг. СПб., 1831.
5. [Новосильский Г. М.] Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера. СПб., 1853.
6. Беллинсгаузен Ф. Ф. Донесение капитана 2 ранга Беллинсгаузена из порта Джексона о своем плавании // Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. Ч. 5. СПб., 1823.
7. Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.
8. Первая антарктическая экспедиция 1819—1820 гг. и ее отчетная навигационная карта. Л., 1963.

А. В. ПОСТНИКОВ

КИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА И АЛЯСКИ (до 80-х гг. XVIII в.)

На большой стенной карте под названием «*Universalis Cosmographia*», отпечатанной в 1507 г. на 12 листах с гравюрами на дереве Мартином Вальдзееюллером и хранящейся в Вюртемберге (Германия), показаны оба американских материка, причем они изображены отделенными от Азии, что было для того времени смелой географической гипотезой, не подтвержденной никакими реальными данными. Догадке немецкого картографа было суждено окончательно подтвердиться лишь двумя столетиями позже, причем эти последние главы в истории изучения Нового Света европейцами были написаны российскими землепроходцами, мореплавателями и промышленниками, менее чем за полтора столетия проложившими «проторенный путь» от Якутска, Охотска и Петропавловска-Камчатского к берегам Америки.

В отличие от Атлантики, где Старый и Новый Свет разделены бескрайними водными просторами, в северной части Тихого океана Евразия отделена от Северной Америки узким Беринговым проливом, наименьшая ширина которого всего лишь 86 км. В ледниковый период на месте пролива существовал сухопутный перешеек, по которому выходцы из Северо-Восточной Азии заселили Америку (см. [1]). Образовавшийся на месте перешейка в результате постледниковой трансгрессии пролив не стал преградой для племен, населявших побережья соседних материков, в результате чего в течение многих веков между ними существовали тесные торговые и культурные связи, а на побережьях и островах самого Берингова пролива обосновались эскимосские племена (иннуиты и юиты), имевшие между собой лишь незначительные региональные различия. Таким образом, можно сказать, что на территории, которую теперь принято называть Берингией, контакт между Старым и Новым Светом был постоянным, хотя подавляющее большинство племен и народов, населявших западное и восточное полушария, естественно, об этом ничего не подозревали. Русским путешественникам и промышленникам, открывшим для себя новые земли, было суждено изменить это положение и осуществить встречу двух миров с запада. Если рассматривать эту встречу как контакт и будущее сосуществование русских и туземцев-американцев, нетрудно заметить существенную разницу с первоначальным опытом общения европейцев и индейцев островов Карибского бассейна.

Члены экспедиции Христофора Колумба, высадившись на берегах Эспаньолы, Кубы и других Антильских островов, оказались в абсолютно чуждой этно-культурной среде. Они обнаружили там индейцев, которым, по господствовавшим тогда канонам христианской церкви, не было места на земле. И это представление поначалу было воспринято как твердое доказательство того, что индейцы вообще не люди, а какой-то новый вид животных, что казалось вполне достаточным оправданием для их полного уничтожения.

Русские, завоевывая Сибирь и продвигаясь на восток, также пролили немало крови коренных обитателей этих мест. Но характер продвижения и отношений с туземцами весьма отличался от взаимоотношений, сложившихся между европейцами и островитянами Карибского моря во времена Колумба. Сибирь, Камчатка, Алеутские острова и побережья Аляски колонизовались русскими в течение относительно продолжительного времени. Благодаря длительности этого процесса, продолжавшегося с XVI до начала XIX вв., русские постепенно становились в известной мере составной частью географической и этнической среды осваиваемых ими районов, так что туземные навыки, обычаи, инвентарь и ремесла усваивались ими и со временем стали восприниматься как собственные. Знания туземцев об их стране были очень важны для исследования и освоения новых территорий землепроходцами. И поэтому русские в процессе проникновения в Сибирь научились использовать географическую информацию, накопленную сибирскими племенами, причем одной из наиболее существенных ее составляющих для ориентирования в незнакомой местности были сведения о традиционных географических названиях. В результате землепроходцы постоянно занимались сбором местных топонимов и сохраняли их, хотя подчас и в искаженной форме, на своих чертежах и картах XVII—XVIII вв. Благодаря этому местные географические названия дожили до наших дней и присутствуют на современных картах как Сибири, так и северной части Тихого океана и Аляски.

Известно, что в 1639 г., 60 лет спустя после пересечения Урала, русские казаки и промышленники вышли к берегам Тихого океана. Это был отряд под началом Ивана Москвитина. А на следующий год казаки из этого отряда прошли Охотским морем до устья реки Охоты на севере и Шантарских островов на юге. В 1648 г. Федот Алексеев и Семен Дежнев проплыли вдоль арктического побережья из реки Колымы на восток и обогнули Чукотский полуостров, явившись, таким образом, первыми европейцами, которые прошли между Азией и Америкой из Северного Ледовитого в Тихий океан.

Географическая информация, которую собирали русские землепроходцы во время этих походов и освоения Сибири, нашла отражение в отечественных картографических памятниках XVII в. и, в частности, в двух наиболее ранних из сохранившихся общесибирских чертежах 1667 и 1673 (1669—1670?) гг. Чертеж Сибири 1667 г. (рис. 1) принято называть «годуновским», так как надпись на нем гласит, что составлен чертеж «по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи». На чертеже, ориентированном, как большинство других старинных русских карт, по югу, изображена огромная территория к востоку от Волги и Печоры, включая Сибирь и Дальний Восток. Чертеж Сибири 1673 г. (по датировке Ф. А. Шибанова, 1669—1670 гг.), составитель которого неизвестен, имеет много общего с чертежом 1667 г., но несколько подробнее его по содержанию. Оба чертежа убедительно свидетельствуют о том, что знаменитое плавание С. И. Дежнева в 1648 г. в обход Чукотского полуострова не осталось незамеченным представителями сибирской администрации и принималось как доказательство возможности прохода морским путем от Лены до Амура. В росписи (описа-

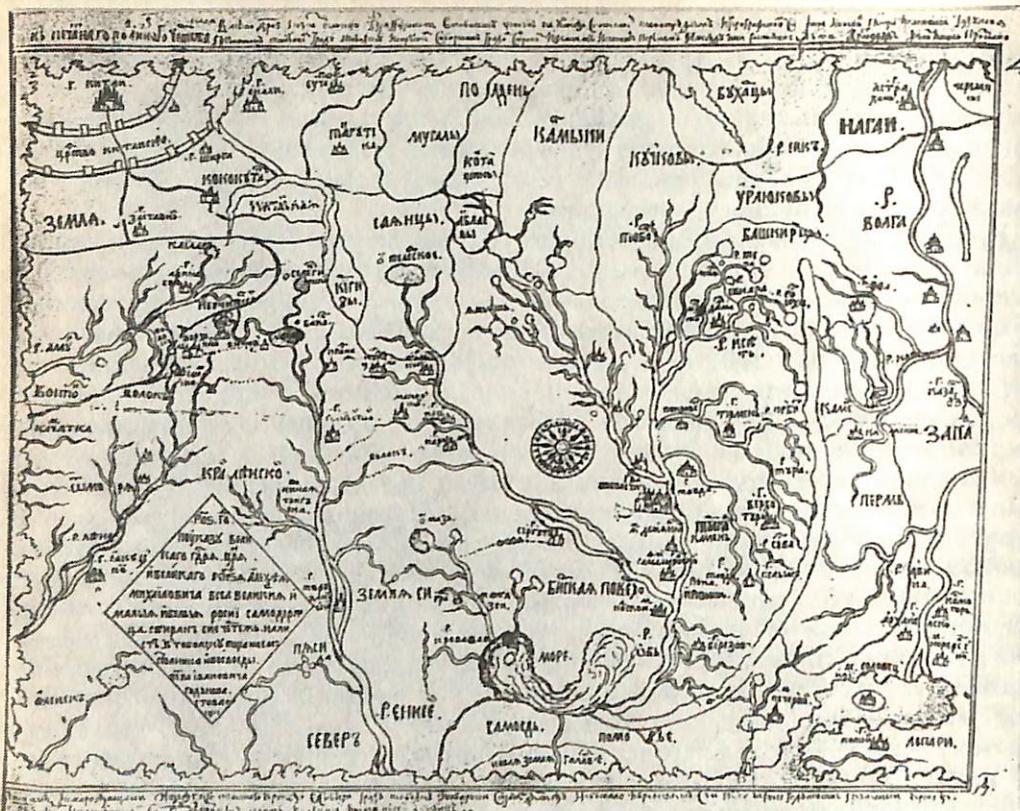

Рис. 1. Чертеж Сибири. 1667 г.

ний) чертежа 1673 г. имеется даже подтверждение того, что опыт Дежнева повторяется другими промышленниками, которые «от Колымы реки и кругом земли... до камени (Чукотского полуострова. — А. П.) добегают, а перешед через камень, приходят на реку Анадырь и тут промышляют кость рыбью и тот камень обходят насилиу» (цит. по [2, с. 10—11]). Таким образом, эти карты свидетельствуют о том, что уже в 70-х гг. XVII в. русские люди знали о существовании морского пролива между Азией и Америкой, причем знание это базировалось не только на сведениях С. И. Дежнева, но и на многочисленных свидетельствах, почертнутых землепроходцами у чукчей и эскимосов, о наличии против «Чукотского носа» Большой Земли.

Русские чертежи Сибири XVII в. вызвали большой интерес современников за рубежом. Их копировали и использовали в качестве источников для составления карт Азии многие картографы, причем наибольшее влияние на развитие представлений о Сибири на зарубежных картах оказала карта Европейской и Азиатской России, составленная в 1690 г. Николаусом Витсеном. Витсен, как и большинство других иностранных географов и картографов того времени, не был склонен доверять интерпретации географии северо-восточной оконечности Азии на русских чертежах 1667 и 1673 гг. и поместил на своей карте два незавершенных мыса или перешейка в направлении Северного Ледовитого и Тихого океанов, которые создавали представление о возможности существования сухопутной связи между Азией и Америкой. Иностранные карты Сибири XVII—начала XVIII вв. детально исследовал известный русский историк Л. С. Багров [3—5]. Во время научной ста-

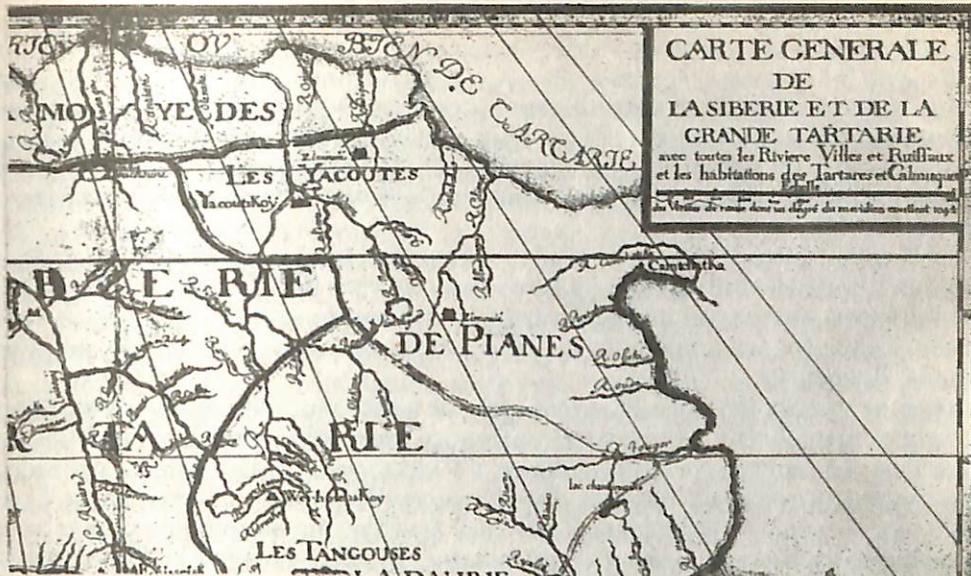

Рис. 2. Общая карта Сибири и Большой Татарии. 80-е гг. XVIII в. (фрагмент)

жировки в США, в Центре по истории картографии исследовательской Библиотеки Ньюберри (г. Чикаго), автору настоящей статьи посчастливилось найти еще одну неизвестную ранее карту такого типа. Это рукописная «Общая карта Сибири и Большой Татарии...» (*Carte generale de la Siberie et de la Grande Tartarie...*) в великолепном рукописном атласе *Cartes Marines*, хранящемся в коллекции Айера этой библиотеки (рис. 2). Карта является исключительно редкой, а возможно, и уникальной копией какой-то русской карты конца 1670-х — начала 1680-х гг. Исследуя ее, мы не смогли найти ни одной известной зарубежной карты того периода, имеющей с ней черты генетического родства.

«Общая карта Сибири и Большой Татарии...» графически почти точно повторяет основные элементы географии территории, отображенные на русских картах этого периода, хотя имеются и некоторые отличия от старинных русских географических чертежей Сибири. Наиболее ярко это проявляется в стандартной для западноевропейской картографии того времени ориентировке карты по северу и в неопределенном отображении северо-восточной оконечности Азии, где береговая линия прервана в районе с рекой Камчатка и дана картуш с названием карты, что оставляет открытым вопрос о проливе между Азией и Америкой.

Внимание российского правительства к северо-восточной оконечности Сибири значительно усилилось на рубеже XVIII в., что в известной мере было вызвано появлением новых интригующих сведений о каком-то острове или Большой Земле вблизи Чукотского полуострова. Эта информация, основанная на данных коренных жителей Чукотки, была доставлена в 1710 г. Владимиром Атласовым, возвратившимся после путешествия на Камчатку. В первой декаде XVIII в. рассказы о Большой Земле многократно подтверждались казаками с реки Анадырь. Некоторые русские карты этого периода начали отображать географию района северо-восточной оконечности Азии на основании этой туземной информации. Современные этнографы рассматривают эти карты как уникальные источники по исторической этнографии Аляски. Наиболее выдающееся картографическое произведение такого типа было составлено около 1710 г. Иваном Львовым. Известный аме-

риканский этнограф Дороти Джен Рей полагает, что эта карта изображает территорию, которая несомненно является Аляской. Карта охватывает Северо-Восточную Сибирь, включая район реки Анадырь, Берингов пролив и сухопутный массив, расположенный на месте Аляски. Дороти Рей утверждает, что топоним «Кигин элят» на этой карте, так же как «Кынынцы» на «Чертеже вновь Камчадальские земли» из «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова (около 1700 г.), соответствует эскимосской деревне Кингиган (современный Уэйлс) на полуострове Сьюарт [6, с. 13].

В 1725 г. в атласе, опубликованном в Амстердаме наследниками Иоанна Баптиста Гомана, была помещена карта Камчатки, которая была основана на составленной Львовым карте района Берингова пролива, включая расположенные в нем острова, с добавлением обширной суши на юге, возможно, соответствующей острову Св. Лаврентия.

В течение многих лет мореплаватели, ученые и государственные деятели Европы обсуждали проблему возможности сквозного северного морского пути вокруг Азии в Тихий океан для достижения Китая и Индии; этот путь позволял избежать южных путей, которые находились под контролем Испании и Португалии. О северном пути мечтал и Петр Великий, который был буквально зачарован всеми западноевропейскими реалиями и всеми силами старался погрузить Россию в их мир. Как известно, он пытался приобщить Россию и русских к европейским стандартам, отбрасывая национальный опыт и традиции прошлого. И в случае с географией, которая, как известно, была одной из его любимых наук, император не был склонен доверять сообщениям и картам бородатых сибиряков и их информантов — неграмотных туземцев Чукотки и Камчатки. Петр знал сибирские карты и описания северо-восточной оконечности Азии. Одна из таких карт висела на стене в его кабинете. Это громадный чертеж, составленный С. У. Ремезовым в 1697 г., который в настоящее время является частью галереи Петра Великого Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге (см. [7, 8]). Однако есть все основания полагать, что Петр I не доверял этим материалам, и он очень хотел окончательно решить географический вопрос: соединяется ли Азия с Америкой? В 1725 г., за месяц до своей кончины, Петр направил для решения этой проблемы экспедицию под руководством Витуса Беринга.

В последнее время намерения Петра в отношении Первой Камчатской экспедиции стали предметом жаркой научной дискуссии, спровоцированной русским историком Б. П. Полевым, поддержаным американским профессором Р. Фишером [9, с. 113; 10, с. 29; 11, с. 8]. Они отвергают традиционное мнение о том, что Петр стремился к решению географической проблемы соединения двух континентов, полагая, что главной его целью было, чтобы Беринг достиг Северной Америки, плывя не на север, а на восток, а приблизившись к ее берегам, экспедиция должна была следовать на юг до тех пор, пока не повстречает подданных других европейских государств.

Судя по всему, Беринг и его офицеры прочли и поняли инструкцию Петра менее глубоко, чем Б. П. Полевой и Р. Фишер, так как экспедиция направилась все-таки на север и в 1728 г. определила, что Азия и Америка отделены друг от друга на севере непрерывным водным пространством по меньшей мере до параллели $67^{\circ}18'$ с. ш. Основные результаты этой экспедиции отображены на карте, которая была составлена Петром Чаплиным под руководством капитана Алексея Чирикова. Эта экспедиция, как и другие российские правительственные географические работы XVIII в., была секретной, поэтому карта Чаплина не публиковалась и сохранилась до нашего времени лишь в трех рукописных копиях (см. [12; 13, с. 164; 14,

карты 63, 64, с. 44—45; 15, с. 244; 16, с. 22—23]). В печатном виде общие результаты Первой Камчатской экспедиции впервые были отражены на Генеральной карте Российской империи в атласе России, изданном в 1733—1734 гг. И. К. Кириловым (см. [14, карты 71, 72, с. 48—49; 17, с. 247, 249; 18]). За рубежом карта этой экспедиции была опубликована в пятом томе работы Дю Гальда по географии и истории Китая (1735 г.) и в атласе Китая де Анвилля (1737 г.) [19, с. 451—452; 20].

Нерешенная первой экспедицией Беринга проблема Большой Земли (или острова), лежащей против Чукотского полуострова, продолжала весьма интересовать сибирскую администрацию. В 1730 г. в Охотске была снаряжена специальная экспедиция для сбора ясака, а также поисков Большой Земли, которая, по сообщениям туземцев, располагалась где-то к востоку от устья реки Анадырь. Одно экспедиционное судно потерпело крушение, а второе («Св. Гавриил» под командой геодезиста Михаила Гвоздева и навигацкого помощника Ивана Федорова) покинуло Камчатку в 1732 г. и направилось в северную часть Тихого океана. Экспедиция пересекла Берингов пролив, обнаружила в нем Диомидовы острова и достигла северо-западной оконечности Аляски (теперь — мыс Принца Уэльского). Участники экспедиции видели там поселения туземцев (эскимосов), а на обратном пути открыли остров Кинг. В 1733 г. была составлена карта этой экспедиции, которая до сих пор не обнаружена. Профессор Франк Голдер нашел в рукописях Делиля, хранящихся в Париже, набросок, иллюстрирующий это плавание, который, как полагают, был составлен в 1738 г. к интервью Федора Соймонова одной из французских газет [21, с. 154, 299—301]. Наиболее детальная карта по итогам экспедиции была составлена лишь в 1743 г. М. Гвоздевым и М. Шпанбергом и сохранилась в четырех рукописных копиях [14, карты 69, 70; 22—24].

В 1733 г. была официально начата Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Как известно, экспедиция явилась одним из самых грандиозных в истории географических проектов; она должна была достигнуть берегов Америки, но наряду с их исследованием изучить и закартографировать арктические побережья Сибири, Курильские и Японские острова. Лишь в 1741 г. — восемь лет спустя после ее начала — «Св. Петр» под командой Витуса Беринга и «Св. Павел», который вел Алексей Чириков, направились к берегам Америки. Жозе Николя Делиль составил для экспедиции карту Камчатки и прилегающих районов с американским побережьем, наметив на ней маршруты, на которых, по его мнению, новые географические открытия были наиболее вероятными*. На этой карте нанесены такие мифические территории, как Терра де Йесо, Земли Кампании и де Гамы. Делиль настаивал на том, чтобы поиски этих земель были объявлены чуть ли не главной задачей экспедиции, что сыграло весьма негативную роль в ходе плавания: Беринг и Чириков, потеряв драгоценное время в поисках несуществующих земель, были застигнуты осенними ненастями, что привело к значительным потерям в человеческих жизнях, и Витус Беринг был одним из тех, кто не вернулся.

Во время плавания со «Св. Петром» и «Св. Павлом» были видны многие из Алеутских островов. Беринг достиг американского побережья в районе острова Каяк, который он назвал островом Св. Ильи. Его офицеры выполняли съемку этого района и составили крупномасштабную навигационную карту, которая сохранилась до наших дней (рис. 3)**. На обратном пути «Св. Петр»

* Carte dressé en 1731 Pour Servir à la recherche des Terres et des Mers situées au Nord de la Mer du Sud. Впервые опубликована в [25, между с. 72—73]. Копия этой карты хранится в [26]. Опубликована также в [14, карта 78].

** Копия этой рукописной карты опубликована в сборнике [27, с. 220].

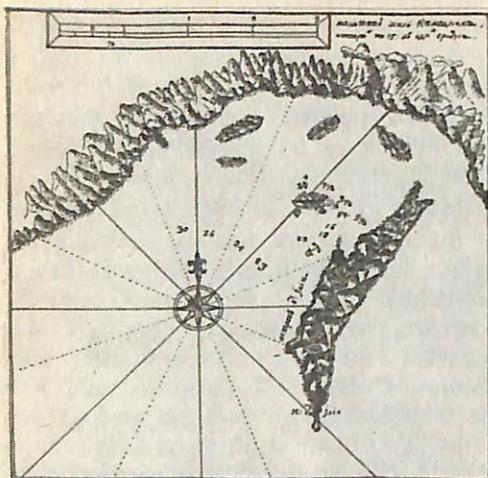

Рис. 3. План острова Св. Ильи. Июль 1741 г.

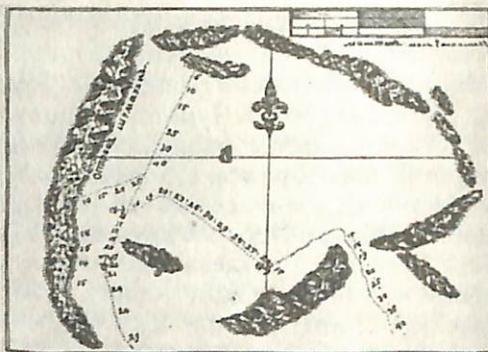

Рис. 4. План Шумагинских островов. Сентябрь 1741 г.

стоял на якоре у берега острова Ногай, который был назван «Шумагин» в память о матросе, скончавшемся и похороненном там. В этом районе также была проведена съемка (рис. 4) [27, с. 221]. Эти две карты — первые крупномасштабные гидрографические планшеты аляскинских побережий и островов, выполненные европейцами.

Алексей Чириков достиг острова Принца Уэльского под $55^{\circ}36'$ с. ш., что дало России возможность претендовать на берега к северу от этой параллели и создало основу для проведения впоследствии, по соглашениям с Великобританией и Соединенными Штатами в 1824 и 1825 гг., южной границы Русской Америки, а позже — Аляски. На обратном пути «Св. Петр» потерпел кораблекрушение на острове, названном позже именем Беринга, где капитан-командор скончался 8 декабря 1741 г.

На обоих экспедиционных судах постоянно велась попутная океанографическая съемка, по материалам которой были составлены две основные карты. Фактически эти карты создали два различных представления о распределении суши и акваторий между Камчаткой и Америкой. Карта, вычерченная штурманом «Св. Павла» Иваном Елагиным под руководством Алексея Чирикова, показывает между азиатским и американским побережьями отдельные участки суши, которые, как правильно догадались люди Чирикова, представляли собой острова, впоследствии названные Алеутскими. Копия карты Елагина-Чирикова была выполнена учеником геодезии Василием Красильниковым 31 октября 1742 г. [28]. В «Атласе» А. В. Ефимова [14, карты 97, 98] помещена копия этой карты, относящаяся к более позднему периоду, и ошибочно указано, что эта карта относится к 1742 г., хотя на ней даны названия Алеутских островов и участков побережья Аляски, ставшие известными русским лишь более чем двадцатью годами позже*. Помимо того, что карта Чирикова-Елагина дает в целом правильное представление о распределении сухопутных масс в северной части Тихого океана, на ней также в общих чертах верно показано положение участков континентального по-

* Обе эти копии относятся к 60-м гг. XVIII в. Оригиналы (или авторские копии Елагина), составленные в 1742 г., помимо использованного в данной публикации, см. в [29; 30, л. 3].

бережья, виденных членами экипажа Чирикова, по отношению к уже известным к тому времени частям Северной Америки — Гудзонову заливу, части Канады и бассейна реки Миссисипи.

Карта, составленная членами команды Беринга Свеном Вакселем и Софроном Хитрово, дает существенно иную трактовку распределения суши в Тихом океане между Камчаткой и Америкой. Вместо островов на ней показана непрерывная береговая линия американского побережья, протягивающаяся примерно до середины океана [31, л. 2; 32]*.

Обе Камчатские экспедиции заложили фундамент изучения и картографирования Алеутских островов и Аляски, но, с другой стороны, они ввели обычную для просвещенных мореплавателей практику присвоения обнаруженным ими новым землям географических названий без какого-либо учета туземной топонимии. В этом они существенно отличались от походов их необразованных сибирских предшественников, которые были весьма внимательны к местным географическим названиям. В то же время, благодаря Берингу и его военно-морским начальникам, эти простые сибирские казаки, промышленники и матросы со времен Второй Камчатской экспедиции получили возможность приобретать профессиональное образование в специальных навигационных школах, первая из которых была открыта в Охотске по приказу Витуса Беринга. Позже навигационные школы функционировали в разные годы XVIII в. в Большерецке, Иркутске, Томске и некоторых других сибирских городах.

Российские официальные власти весьма старались держать в тайне результаты Камчатских экспедиций и преуспели в этом настолько, что даже в Санкт-Петербургской Императорской академии наук ее итоги не были в достаточной мере известны, что хорошо демонстрирует карта Миллера-Трускотта, опубликованная Академией в 1758 г. В основу этой карты положены материалы отряда Беринга (карта Вакселя-Хитрово), и поэтому мы видим на ней североамериканский материк протягивающимся в сторону Азии в форме широкого и длинного массива суши. Карта также иллюстрирует представления о Чукотском мысе как о полуострове, расположенному далеко к северу и востоку от Восточного Мыса; ошибочность таких представлений была доказана уже Первой Камчатской экспедицией В. Беринга. Миллер и Трускотт поместили на своей карте даже мифические данные де Фуко и де Фонте, почерпнутые с карты Жозе Николя Делиля и Филиппа Буше, опубликованной в Париже в 1752 г. (рис. 5). Последняя карта представляет сведения о русских исследованиях в Тихом океане, основанные на слухах и искаженной информации, но благодаря тому, что она была опубликована во Франции, ее влияние весьма сильно ощущалось в обзорной картографии этого района в течение большой части XVIII в., вплоть до экспедиции капитана Кука в 1778—1779 гг.

Меха, доставленные с острова Беринга уцелевшими членами экипажа «Св. Петра», а также рассказы о других островах, богатых морским зверем, вызывали большой интерес сибирских охотников и мехоторговцев. В течение последующих четырех десятилетий образовывалось множество частных компаний, направлявших в Тихий океан суда и охотничьи команды. В ходе этих путешествий одна за другой были обнаружены различные группы островов, от Ближних Алеутских вплоть до полуострова Аляска, островов Шумагина и Кадьяка (см. [35, 36]). Хотя плавания промышленников сильно отличались от охотничих и исследовательских походов сибиряков по рекам и вдоль арктических морских побережий, кото-

* Копия опубликована в [13; 14, карты 99—102, с. 68—69; 33; 34 и др].

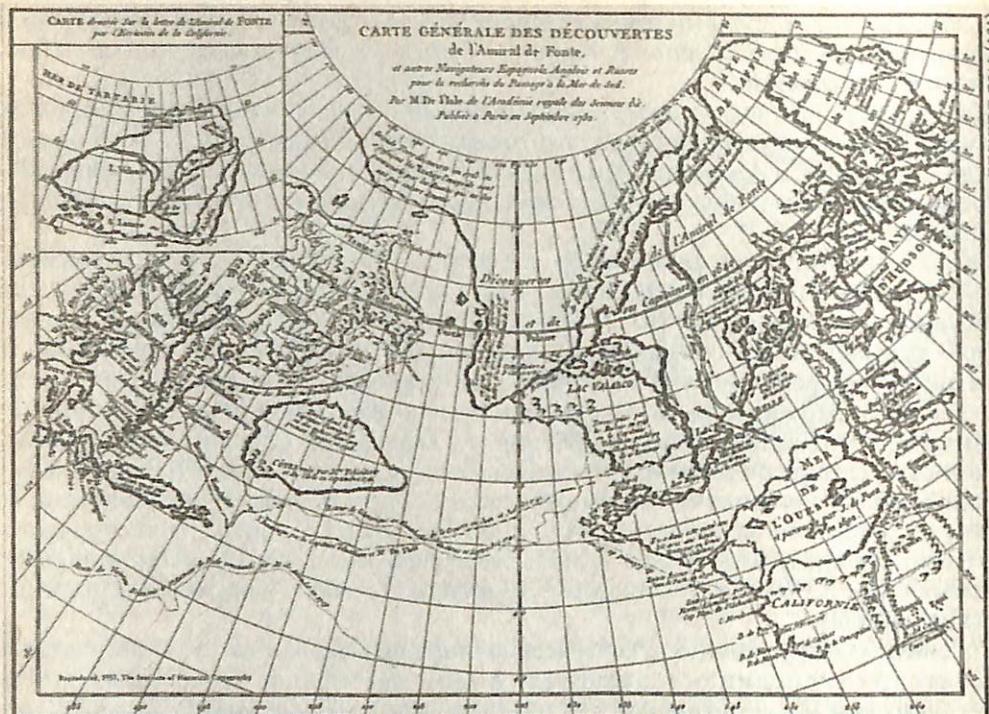

Рис. 5. Карта Ж.-Н. Делиля. 1752 г.

рые привели их к Тихому океану в XVII в., опыт поморов и землепроходцев, особенно в плане сбора и использования туземной географической информации, оказался полезен и в новых для них условиях плаваний в открытом море. Так, они собирали и сохраняли на своих картах и в описаниях многие алеутские топонимы, использовали их кожаные байдарки и байдары, а также местные навыки ориентирования и навигации.

В процессе продвижения охотников за пушниной на восток они составляли схематичные карты и предоставляли в своих описаниях материалы для создания подобных карт представителям местной сибирской администрации. На одном из наиболее ранних сохранившихся картографических произведений подобного рода, составленном Петром Шишкиным, ходившим на восток в 1762 г. на судне «Иулиан», показаны Северно-Восточная Сибирь, Камчатка, Командорские, Диомидовы и Алеутские острова [14, карта 149, с. 99—100; 37]. На карте изображен большой продолговатый остров под названием «земля якутского дворянина», приблизительно в том месте, где расположена материковая часть Аляски в восточной половине Берингова моря. Помимо этого, впервые даны туземные названия многих Алеутских островов, включая недавно достигнутые Умнак и Уналашку. Показан остров Кадьяк, а также, в виде острова, полуостров Аляска с надписью «Алаишак людей весьма много, тут зимовало судно купца Бечевина». Алеутские острова на этой карте отображены довольно достоверно, хотя их общая ориентировка неверна: они показаны протягивающимися с юго-запада на северо-северо-восток. Более подробно нанесены Алеутские острова на итоговой карте земель, обнаруженных русскими промышленниками, составленной Петром Шишкиным и Саввой Пона-маревым во второй половине 60-х гг. XVIII в. (рис. 6) [14, карта 150, с. 100—101; 38].

Рис. 6. Карта Петра Шишкина и Саввы Понамарева. Вторая половина 60-х гг. XVIII в.

39]. Карта Шишкина по итогам плавания 1762 г. была рассмотрена в Адмиралтействе и представлена Екатерине Великой, которая, оставшись весьма довольной открытиями промышленников, в 1763 г. повелела Адмиралтейству направить новую научную экспедицию в северную часть Тихого океана. Адмиралтейству предписывалось описать острова, уже посещенные промышленниками, определить их точное положение на карте Тихого океана в системе географических координат, обеспечить закрепление алеутов в качестве российских подданных, упорядочить сбор ясака и установить государственный контроль за деятельностью промышленников.

Руководителями экспедиции были назначены опытные капитаны военно-морского флота — Петр Креницын и Михаил Левашов. Неудачи преследовали путешественников на первом этапе, и прошло пять лет, прежде чем они были готовы пойти к берегам Америки. Тем временем, по приказу сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова, была организована экспедиция в северную часть Тихого океана под руководством лейтенанта Ивана Синдта. Отправившись с Камчатки 26 июня 1766 г. на судах «Св. Павел» и «Св. Екатерина», экспедиция достигла 65° с. ш. и около 40° долготы восточнее Камчатки. По сути дела, единственным положительным результатом экспедиции было открытие острова Св. Лаврентия [40; 41, с. 296, 300]. Во всем остальном плавание было неудачным, а в картографии северной части Тихого океана И. Синдт создал множество несущественностей, что ярко видно на карте, составленной по результатам экспедиции, где несколько южнее Берингова пролива изображено множество островов, которые на самом деле были не чем иным, как частями побережий острова Св. Лаврентия, принятими членами экспедиции за отдельные земли (рис. 7) [14, карта 138, с. 92—93; 42; 43, карта 126, с. 292].

Экспедиция Петра Креницына и Михаила Левашова отправилась с Камчатки на двух судах — «Св. Павле» и «Св. Екатерине», на которых ходил Синдт. Совместное изучение Креницыным и Левашовым в 1768 и 1769 гг. северного побе-

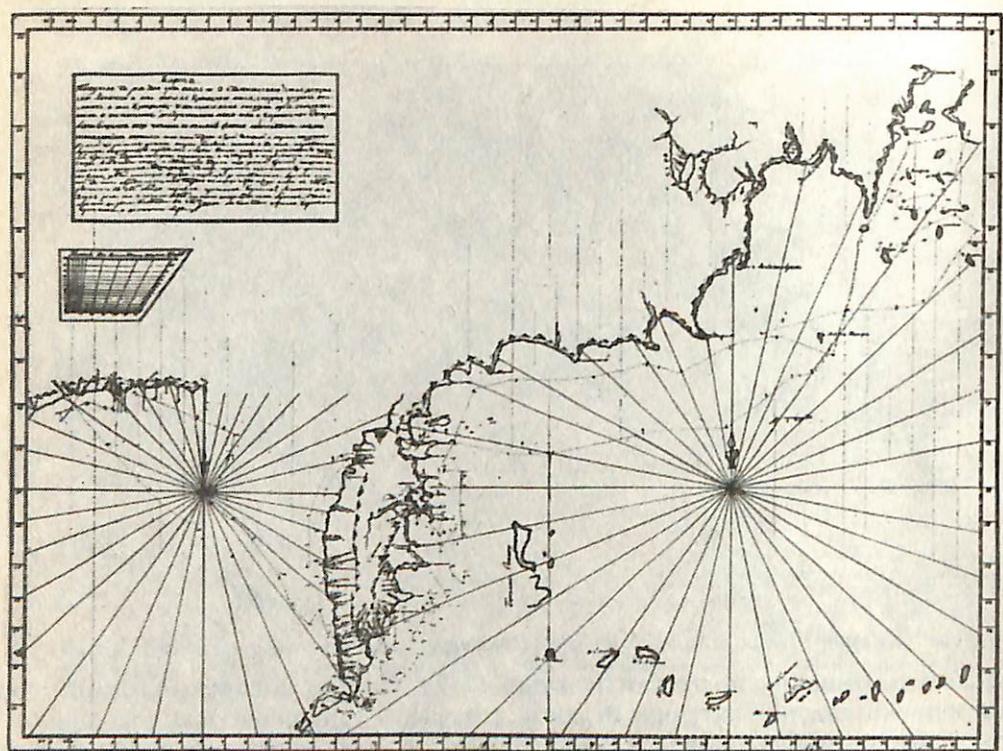

Рис. 7. Карта лейтенанта Синдта

режья Уналашки, острова Унимак и южных берегов полуострова Аляска — первые экспедиционные работы, выполненные образованными европейцами в этой части Берингова моря. Следует, однако, подчеркнуть, что эта экспедиция во многом отличалась от «типичных» европейских плаваний того времени. Прежде всего, ее основной задачей было снабдить богатые географические сведения, собранные во время походов русских промышленников, точными географическими координатами и сопоставить их с картами Камчатских экспедиций Витуса Беринга. В подготовке и проведении этой экспедиции российское Адмиралтейство проявило значительно больше внимания и доверия к описаниям и картам, составленным промышленниками. Шестнадцать наиболее опытных мореплавателей-мехоторговцев приняли участие в экспедиции в качестве ее официальных членов. Для съемок побережий полуострова Аляска и островов Унимак и Уналашка использовались туземные суда — байдарки и байдары, а также широко привлекались местные проводники и информанты для сбора сведений о территориях, прилегающих к районам съемок. Итоговые карты экспедиции Креницына-Левашова сохранились в нескольких архивных копиях [44—47; 14, карты 151, 152, с. 101—103].

Уже во время экспедиции известный русский гидрограф и картограф адмирал Алексей Иванович Нагаев, по приказу Адмиралтейства, начиная с 1765 г. собирал новейшие материалы о северной части Тихого океана и составлял на их основе некоторые предварительные карты. Среди предоставленных в его распоряжение оригинальных источников были весьма интересные карты. Например, рис. 8 [43, карта 123, с. 293; 48] представляет собой карту, составленную известным образо-

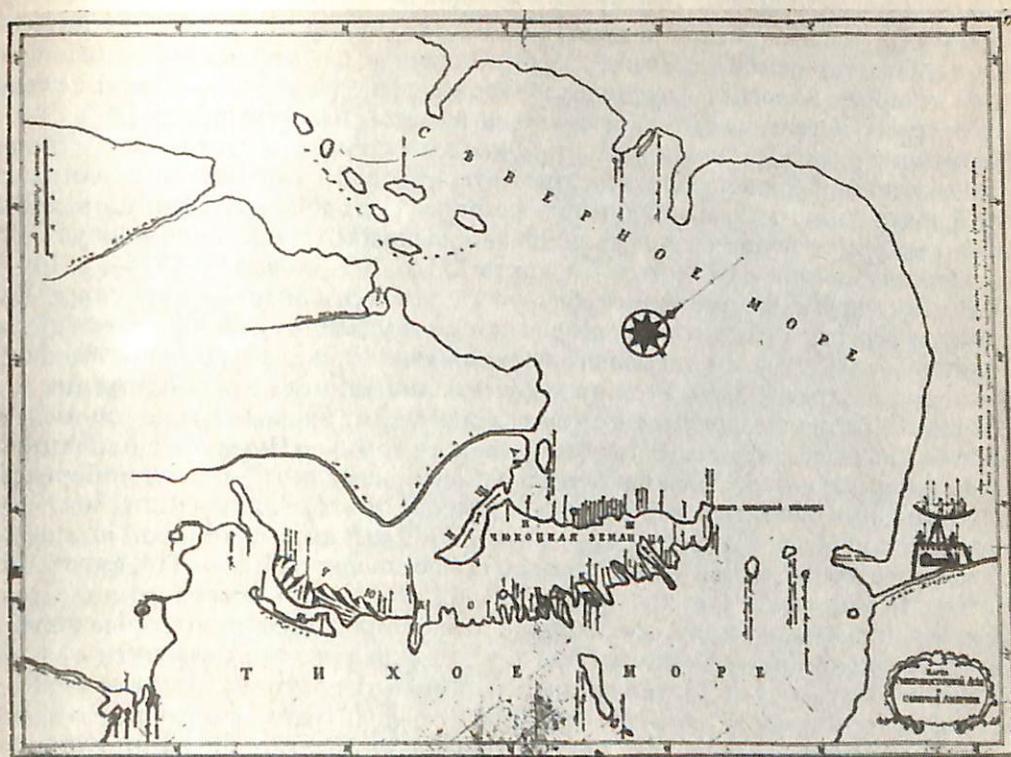

Рис. 8. Карта Николая Дауркина

ванным чукчей Николаем Дауркиным в 1765 г. по итогам его путешествия на остров Св. Лаврентия в 1763—1764 гг. и информации, полученной им от обитателей этого острова (см. [12, с. 209; 14, карты 128—131, с. 87—89]). Хотя карта Дауркина выполнена в традициях допетровской русской картографии и производит впечатление достаточно примитивного произведения, современные ученые, особенно этнографы (как отечественные, так и зарубежные), считают ее выдающимся источником. Так, американская исследовательница профессор Дороти Рэй полагает, что на карте Дауркина вычерчен больший участок побережья Аляски, чем на карте Гвоздева-Шпанберга 1743 г., и впервые записаны три местных географических названия в ее северо-западной части: «Тикеган» или «стикега» (современный Пойнт-Хоуп), «Окибан» или «укивук» (остров Кинг) и «Хеуверен» (Кауверак). Н. Дауркин также дал новую версию названия поселка на месте современного Уэйлса — Кынгмын. Таким образом, карта доказывает, что по меньшей мере четыре поселения эскимосов северо-западной Аляски были известны сибирякам до того, как капитан Кук прошел Беринговым проливом [6, с. 29—31].

Одним из самых важных элементов оригинальной карты Дауркина является рисунок, который, как доказали этнографы, изображает типичное эскимосское поселение на реке Хеуверен. Последующие копии карты постепенно трансформировали показанное на ней эскимосское укрепление в русский военный острог. Таким образом родилась легенда о русской крепости, в которой якобы жили потомки экипажа одного из кочей Дежнева, пропавшего в 1648 г. Многие исследователи активно и безуспешно искали это мифическое русское поселение вплоть до 40-х гг.

XIX в. Русский историк С. Г. Федорова и американский этнограф Д. Рэй бесспорно доказали, что эта легенда не имеет никаких реальных исторических доказательств и является чистой фикцией [6, 35, 49]. Однако до сих пор некоторые отечественные историки и географы продолжают верить в то, что археологические следы этого русского поселения будут когда-нибудь найдены (см., например, [50]).

Вернемся теперь к другим документам, которые собирало Адмиралтейство во время экспедиции Креницына в качестве материалов для картографирования северной части Тихого океана. Одним из наиболее подробных источников, представленных в этот период в Адмиралтейство, была карта, составленная устюжским купцом Василием Шиловым [14, карта 153, с. 103—104; 51—53; 54, с. 104—105]. Помимо других интересных особенностей, эта карта впервые дает современную форму географического названия для наиболее удаленной от Камчатки суши, а именно — Аляска. После детального исследования этой карты и сопоставления ее с материалами экспедиций Беринга и другими имевшимися в распоряжении Адмиралтейской коллегии документами был сделан весьма важный и правильный географический вывод, суть которого заключается в том, что Чириков в плавании к берегам Америки достиг более восточных районов, нежели те участки побережий Аляски, которые были известны промышленникам. В итоге дальнейших исследований адмирал Нагаев представил 26 апреля 1767 г. Адмиралтейской коллегии свою карту северной части Тихого океана и прилегающих районов [14, карта 140, с. 95; 55]. На основании всех этих работ Адмиралтейская коллегия пришла к заключению, что именно Алеутские острова были теми землями, которые видели члены экспедиции Витуса Беринга и Алексея Чирикова на обратном пути от Америки к Камчатке, хотя на картах промышленников эти острова были по сравнению с данными Чирикова и Вакселя сдвинуты к северу. Правильность этого вывода была полностью подтверждена, когда материалы экспедиции Креницына и Левашова в 1771 г. были доставлены в Санкт-Петербург.

Итогом работ Адмиралтейской коллегии до плаваний капитана Кука были карты секунд-майоров Тимофея Шмалева и Василия Красильникова, составленные в 1775 и 1777 гг. (рис. 9) [14, карты 154, 155, с. 104; 56—58]. Мы видим, что все эти карты показывают Алеутские острова в узнаваемых для нас очертаниях, но для потребителей того времени эти материалы были недоступны, потому что руководство российского военно-морского флота сделало их строго секретными. В результате снова Петербургская академия наук не смогла получить современную информацию, и поэтому для опубликованной в 1775 г. «Карты Нового Архипелага, открытого русскими мореплавателями в Камчатском и Анадырском морях», составленной Штелиным, основой была карта Миллера—Трускотта 1758 г., дополненная недостоверными данными лейтенанта Синдта 1767 г. На этой карте островам вблизи Берингова пролива, взятым с карты Синдта, по непонятной причине присвоены названия таких дальних Алеутских островов, как Уналашка, Унимак и др.

Итак, мы видели, что знания российского Адмиралтейства об Алеутских островах, западной Аляске и районах вблизи Берингова пролива в 70-х гг. XVIII в. были относительно достоверными. Но участки американского побережья между Беринговым проливом и полуостровом Аляска, а также к югу от этого полуострова, за исключением районов, посещенных экспедицией Беринга, оставались неисследованными. Многие белые пятна на карте этих районов были заполнены во время третьего путешествия капитана Джеймса Кука (1778—1779 гг.), завершенного его помощником Джеймсом Кларком (см. [59—63]).

В октябре 1778 г., когда «Резолюшн» и «Дискавери» стояли на якоре у острова Уналашка, капитан Кук повстречал там русского штурмана Герасима Григорь-

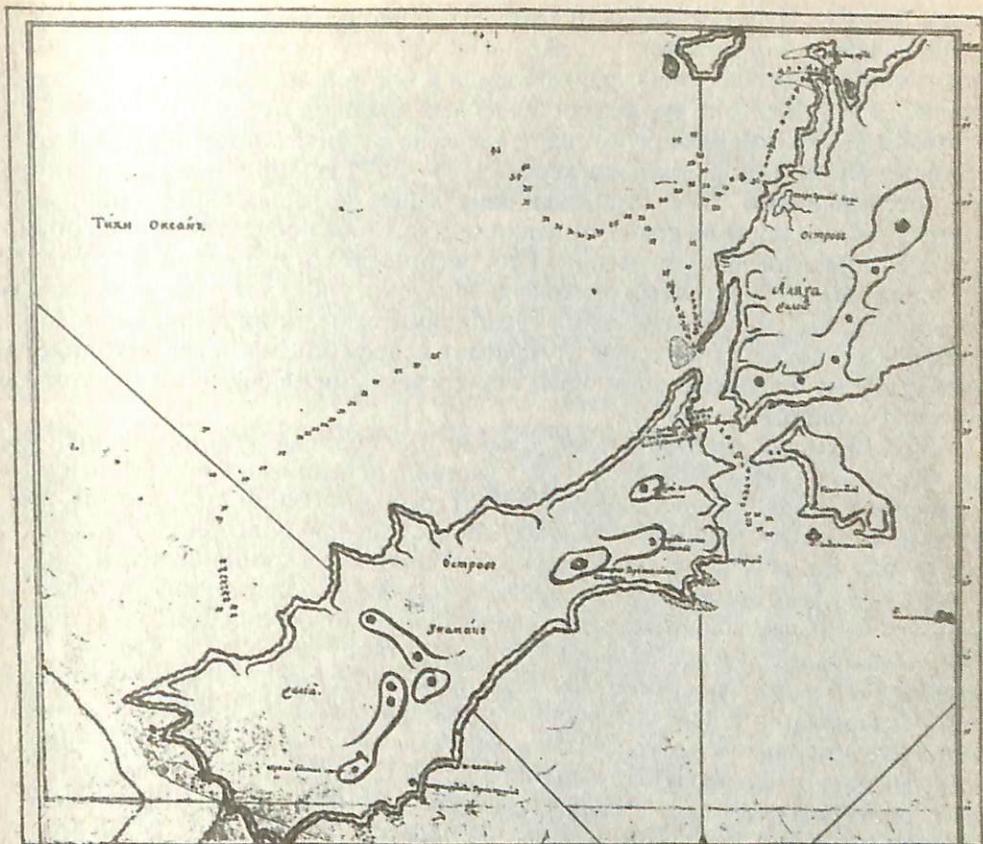

Рис. 9. Карта острова Унимак майора Красильникова. 1777 г.

евича Измайлова, который дал ему скопировать две карты. Герасим Измайлов отметил, что имевшиеся у Кука карты Миллера и Штелина весьма ошибочны. Это воззрение английский мореплаватель был склонен разделить, однако доверие к картам, опубликованным Петербургской академией наук, было настолько велико, что капитан Кук не решался отдать окончательного предпочтения рукописным картам безвестного русского мореплавателя. Но в то же время он отмечал, что на одной из этих карт «острова, разбросанные между 52 и 55° широты, на пространстве между Камчаткой и Америкой заслуживают некоторого внимания, хотя, по сообщению господина Измайлова, ни количество, ни положение этих островов точно не определено. Он вычеркнул около трети из них, уверяя меня, что они не существуют, и значительно изменил положение других, что, как он сказал, было необходимо на основании его собственных наблюдений, и у меня не было причины сомневаться в этом» [64, с. 453]. Мы не знаем, какие карты показывал Измайлов капитану Куку, но, судя по широтам, данным на них для Алеутских островов (52—55° с. ш.), они, очевидно, принадлежали к числу наиболее современных произведений, подобных рассмотренным выше картам Шмалева и Красильникова 1775 и 1777 гг. В этом случае казалось бы странным, почему Герасим Измайлов вычеркнул многие из островов. Но, с другой стороны, это не будет представляться столь уж удивительным, если мы вспомним основное предназначение этих карт — предоставить русским промышленникам навигационное пособие для достижения ос-

тровов, богатых пушным зверем. В этом случае вполне вероятно, что Измайлов, будучи начальником промысловых партий на Алеутах, не хотел открывать иностранцам наиболее изобилльные пушниной земли и мог попытаться скрыть их существование. В результате на картах, составленных во время путешествия Кука с использованием русских рукописных карт, нанесено значительно меньше Алеутских островов, чем на адмиралтейских картах 1775—1777 гг. Фрагменты подлинных карт, составленных в 1778 г. Джорджем Ванкувером, который был мидшипменом на борту «Дискавери» во время экспедиции Кука, нам посчастливилось обнаружить в Коллекции Американского Географического общества Библиотеки им. Голды Меир Университета Висконсин-Милуоки. Они являются уникальными крупномасштабными меркаторскими планшетами экспедиции Кука, аналогов которым неизвестно в других хорошо изученных и в своем большинстве опубликованных коллекциях документов, связанных с кругосветными плаваниями великого английского путешественника.

Говоря о русских мореплавателях, Джеймс Кук полагал, что по меньшей мере один из них — Герасим Измайлов — был достойным человеком и хорошим моряком. В частности, он пишет следующее: «Этот господин Измайлов, кажется, имеет все способности для того, чтобы занимать более высокое положение в жизни, нежели то, в котором его сейчас используют, он довольно хорошо осведомлен в астрономии и других необходимых частях математики. Я подарил ему октант Хаддиса, и хотя он, возможно, впервые его увидел, однако он освоил большинство возможных способов его использования в очень короткое время» [64, с. 456—457]. Герасим Измайлов был действительно выдающимся русским штурманом того времени, типичным представителем новой волны образованных сибирских промышленников, выпускником иркутской навигацкой школы, чьи съемки в аляскинских водах сделали его хорошо известным в 90-х гг. XVIII в. [65]. Перед отходом с Уналашки капитан Кук доверил Измайлову письмо в британское Адмиралтейство с картой всех северных берегов, которые он посетил. Как письмо, так и карта в конце концов невскрытыми и в полной сохранности были доставлены в Лондон [66, с. 2]*. С российской точки зрения, карта капитана Кука была весьма полезна, так как она заполняла «белое пятно» в американском побережье между полуостровом Аляска и Беринговым проливом. Несмотря на то, что она давала лишь общие очертания этого побережья, акватория Тихого океана между Аляской, Чукоткой и Камчаткой была благодаря ей, выражаясь фигулярно, замкнута картографически со всех сторон.

Когда «Резолюшн» и «Дискавери» после трагической смерти капитана Кука на Гавайских островах пришли в Петропавловск, экспедицию радушно принял губернатор Камчатки майор Магнус Бем. При этом англичане подарили Бему несколько карт и описаний. Одна из этих карт, переданная астрономом экспедиции Уильямом Бейли, возможно, была наиболее подробной из всех доставшихся русским. Хирург с «Дискавери» Дэвид Самуэлл следующим образом описывает, как была передана эта карта: «Два мидшипмена были направлены на съемку залива, карту которого капитан Кларк обещал послать майору, очень желавшему ее иметь, так как он собирался предложить что-то Императрице, относящееся до проливов, морей и портов Камчатки, и в предоставлении карты залива не было ничего предосудительного; однако, прежде чем мы покинули это место, мы обнаружили с

* Вопрос обмена географической информацией и картами между членами экспедиции Кука и русскими был впервые поднят Я. М. Светом и С. Г. Федоровой [67].

большим удивлением и негодованием, что астроном дал капитану шлюпа, стоявшего там на якоре, карту всех наших открытий на берегах Америки в обмен на карту Камчатки и прилегающих мест, которую он получил от него» [68, с. 1248]. Русским капитаном, по-видимому, был ученик мореходства Дмитрий Полутов, командовавший судном «Св. Николай», находившимся в это время в Петропавловской гавани. Есть все основания полагать, что Д. Полутов использовал эту карту при составлении своей «Меркаторской карты» путешествия 1779—1785 гг. к Алеутским островам и Аляске [69].

Полученные русскими картографами материалы третьей экспедиции капитана Кука были использованы в России даже раньше, чем это сделало британское Адмиралтейство. Первая карта, имевшая прямое указание на использование материалов Кука, была составлена в 1779 г. учеником мореходства Потапом Зайковым*. В 1782 г. эти материалы были использованы штурманом Василием Федоровичем Ловцовым для составления атласа северной части Тихого океана, факсимиле которого было опубликовано Лидией Блэк и Ричардом Пирсом в 1991 г. в качестве 38-го тома серии «История Аляски» [72]. Три карты северной части Тихого океана, с вмешавших материалов Кука с русскими данными, были составлены майором Михаилом Татариновым в иркутской навигацкой школе в 1780 г.**. С необычайной для России проворливостью эти карты достигли Адмиралтейства и Петербургской академии наук, где П. С. Паллас опубликовал в 1781 г. карту новых открытий в Тихом океане (см. [76]). Эта публикация на три года опередила официальное издание материалов Кука британским Адмиралтейством***. Карта включала сведения, которые собрал казацкий офицер Иван Кобелев в 1779 г. [35, рис. 1; 78]. Они нашли отражение на его карте, изображающей американский материк, залив, «открытый» позже экспедицией фон Коцебу, и реку Хеуверен, впадающую в залив Нортон. Профессор Дороти Рэй на основании своих полевых исследований по этнографии эскимосов обнаружила, что карта Кобелева уникальна не только потому, что на ней изображены заливы, реки и острова, «открытые» значительно позднее европейцами, но, что наиболее удивительно, она показывает 61 поселение эскимосов, существование которых было подтверждено в наше время ее работами [6, с. 45; 79, с. 4—7].

Карта П. С. Палласа знаменовала собой завершение выявления общих очертаний северной части Тихого океана и явилась, по сути дела, первой академической картой этого района, включавшей вполне современную информацию. В дальнейшем, хотя печатные русские картографические произведения и «отставали» в отображении истинного состояния изученности картографируемых территорий, но они не были столь неадекватны ситуации, как карты Миллера—Трускотта и Штейлина.

* «Карта меркаторская, сочиненная от Охотского устья на собственном компанейщиков Тульского оружейного Орехова с товарищи боте Св. Владимира в команде штурманского ученика Потапа Зайкова с промышленными людьми в вояжах бытием на островах для промыслу морских и земляных зверей с 772-го по 779-й год сентября по 6 число..., с подлинной уменьшал вполы и иллюминировал геодезии старший сержант Андрей Беляев 1779—1780 гг.» [70, 71]. См. также [14, карта 161, с. 108; 43, карта 527].

** Первая карта — см. [73], опубликована в [74]. Вторая, обзорная карта северной части Тихого океана, хранящаяся в РГАВМФ, опубликована в [66, 67]. Третья карта — см. [75], опубликована в [14, карта 165, с. 109—111].

*** Первая предварительная карта открытий Кука в северной части Тихого океана была опубликована Томасом Китчином в 1780 г. [77].

Список литературы

1. The Bering Lang Bridge / Ed. by D. M. Hopkins. Stanford, California, 1967.
2. Медушевская О. М. Картографические источники XVII—XVIII вв.: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.
3. Bagrow L. The first Russian Maps of Siberia and their Influence on the West-European Cartography of N. E. Asia // *Imago Mundi*. Vol. 9. 1952. P. 83—93.
4. Bagrow L. Sparwenfeld's Map of Siberia // *Imago Mundi*. Vol. 4. 1946. P. 65—70.
5. Bagrow L. A few remarks on maps of Amur, the Tartar Strait and Sakhalin // *Imago Mundi*. Vol. 12. 1955. P. 127—136.
6. Ray D. J. The Eskimos of Bering Strait, 1650—1898. Seattle and London, 1975.
7. Григорьев А. В. Подлинная карта Сибири XVII века (работы Семена Ремезова) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть 11. 1907. С. 374—381.
8. Baddeley J. F. Russia, Mongolia, China. Being some Record of the Relations between them from the beginning of XVIIth Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A. D. 1602—1676... Vol. 1. London, 1919. Map 2.
9. Полевой Б. П. Из истории открытия Северо-Западной Америки // От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.
10. Полевой Б. П. Николай Витсен и проблема «сошлась ли Америка с Азией» // Страны и народы Востока. Вып. 17. К. 36. 1975.
11. Fisher R. H. Bering's Voyages: Whither and Why. Seattle, London, 1977.
12. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
13. Ефимов А. В. Из истории русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII — первая половина XVIII вв. М., 1950.
14. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. / Ред. А. В. Ефимов. М., 1964.
15. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
16. Сопоцко А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983.
17. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М., 1950.
18. Новлинская М. Г. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской Империи. М.—Л., 1958.
19. Du Halde J.-B. Description geogr., hist., etc. de l'Empire de la China et de la tartarie Chinoise, etc. Vol. 5. Paris, 1735.
20. Anville J. B. B. Nouvel atlas de la China, etc. La Haye, 1737.
21. Golder F. Russian Expantion on the Pacific. 1641—1850. Cleveland, 1914.
22. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 192. Оп. 1. (Иркутская губерния). № 36.
23. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. № 23431.
24. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Архив Центрального картографического производства. Описание. № 69(70).
25. Golder F. A. Bering's Voyages. An Account of the Efforts of the Russians to Determine the Relation of Asia and America. New York, 1925.
26. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Генеральные карты России. № 29.
27. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984.
28. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 23748.
29. Архив истории внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 339 (Российская Американская Компания). Оп. 888. № 921/1.
30. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 72.
31. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. № 23749.
32. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 99.
33. Steller G. W. Reise von Kamschatka nach America mit Commandeur-Capitan Bering. SPb., 1793.
34. Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.—Л., 1940.
35. Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии, конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.
36. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане. 1743—1799 гг. М., 1968.
37. АВПРИ. Ф. 339 (РАК). Оп. 888. № 923/3.
38. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 81.
39. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. (Иркутская губерния). № 54.
40. РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. № 77. Л. 388—395.

41. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану... Часть 2. СПб., 1892.
42. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 89.
43. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.-Л., 1946.
44. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. (Иркутская губерния). № № 39, 41.
45. РГВИА. Ф. ВУА. № № 23752—23754.
46. АВПРИ. Ф. 339 (РАК). Оп. 888. № 925/5.
47. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № № 91, 92; 95—98.
48. Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. Карты. № 355.
49. Федорова С. Г. К вопросу о ранних русских поселениях на Аляске // Летопись Севера. Т. 4, 5. М., 1964.
50. Свердлов Л. М. Русское поселение на Аляске в XVII в.? // Природа. 1992. № 4. С. 67—69.
51. АВПРИ. Ф. 339 (РАК). Оп. 888. № 926/6.
52. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 90.
53. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.
54. Алексеев А. И. Береговая черта. Магадан, 1987.
55. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. (Иркутская губерния). № 58.
56. АВПРИ. Ф. «Географические карты». Оп. 504 г. № 720.
57. АВПРИ. Ф. 339 (РАК). Оп. 888. № 928/8.
58. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № № 100—102.
59. The Journals of Captain Cook on his Voyages of Discovery; Charts and Views by Cook and his Officers reproduced from the original manuscripts / Ed. by R. A. Skelton. Cambridge, 1955.
60. Williams G. The British Search for the Northwest Passage in the 18th Century. London, 1962.
61. Verner C. Maps relating to Cook's Third Voyage // Association of Canadian Map Libraries bulletin. 1978. № 28. Р. 2—8.
63. Verner C. Cook and the Cartography of the North Pacific. Burnaby, 1978.
63. Williams G. Alaska revealed: Cook's explorations in 1778 // Alaska. Captain Cook commemorative lectures... Anchorage, 1980. P. 69—87.
64. The Journals of Captain James Cook on his Voyages of Discovery. The Voyage of the «Resolution» and «Discovery». 1776—1780. / Ed. by J. C. Beaglehole. Part One. Cambridge, 1967.
65. Маркова-Двойченко Е. Штурман Герасим Измайлов // Морские Записки. Т. 13. № 4. Нью-Йорк, 1955. С. 14—27.
66. David A. Russian Charts and Captain Cook's third Voyage // Map Collector. 1990. № 2.
67. Svet Y. M., Fedorova S. G. Captain Cook and Russians // Pacific Studies. 1978. Vol. II. № 1. P. 1—19.
68. The Journals of Captain Cook on his Voyages of Discovery. The Voyage of the «Resolution» and «Discovery». 1776—1780 / Ed. by J. C. Beaglehole. Part Two. Cambridge, 1967.
69. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. (Иркутская губерния). № 66.
70. Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. Карты. № 363.
71. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 105.
72. Black Lydia T. The Lovtsov Atlas of the North Pacific Ocean. Kingston, Ontario; Fairbanks, Alaska, 1991.
73. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. (Архангельская губерния). № 16. Л. 1.
74. Федорова С. Г. Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев // Летопись Севера. Т. 5. М., 1971.
75. РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. № 106.
76. Паллас П. С. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой // Месяцеслов исторический и географический на 1781 г. СПб., 1781.
77. A Chart of the discoveries made by late Capt. Cook & other European navigators, in the great Pacific Ocean between Asia & America, by Thomas Kitchin. Printed for R. Baldwin in London Magazine (July, 1780). Новое издание: London Magazine. 1980. December.
78. РГАДА. Ф. Госархив. У. 11. № 2539, 1, 535.
79. Ray D. J. Eskimo Place-Names in Bering Strait and Vicinity // Names. 1971. Vol. 19. № 1.